

Оригинал находится в [Читальном зале](#).

I

В канцелярии курьеру Михайлову было велено скакать в две упряжки в день, а где можно, то и ночью. Подорожная была составлена так, что отказа в лошадях нигде быть не могло. Михайлов, крупный, широкоплечий, лысый человек лет сорока, с умным, хитрым, выразительным лицом, выслушал эти слова молча с угрюмой усмешкой, ясно говорившей: "зачем всякий раз повторять один и тот же вздор?" Он ездил по России лет пятнадцать и знал по опыту, что такие приказы никакого значения не имеют: ехать будет как Бог даст, иногда в самом деле днем и ночью, а иной раз придется просидеть на станции неделю. Прогонные и кормовые были выданы ему в размере, повышенном против правила, так как дорога была очень тяжелая: в Пелым, тысячи три верст.

До отъезда оставались сутки. Михайлов привык к своей бездомной жизни, но в Сибирь его еще никогда не отправляли. Эта поездка означала по меньшей мере два месяца скачки при лютой стуже, по стране дикой, ему неизвестной и опасной: долгие дни и ночи безрадостного существования, без развлечений, без столичных кабаков, почти наверное без женщин. В канцелярии понимали его чувства, считали их естественными и заранее знали, что он сегодня напьется: не может не напиться. Но знали также, что за пакетами Михайлов завтра явится в полной готовности, в точно указанное время: он считался одним из лучших курьеров; его ум, исполнительность и честность очень ценили, поэтому и назначили его в такую поездку. Все же, из предосторожности, денег вперед на руки дали только три рубля: остальное при отъезде. Михайлов поворчал, но не очень торговался: понимал, что и канцелярия права.

Отправился он вечером в кабачок на петергофской дороге, в котором торговали его любимой пуншевой водкой. Там во вторую комнату допускались простые люди, и для них там была простая еда. В первой же, большой, комнате постоянно бывали господа, кто проездом в Петергоф или в Ораниенбаум, кто так, ценя кухню и развлечения: в последнее время в кабачке играли на гитарах, пели и плясали невиданные еще в Петербурге лаеши [Цыгане. *(Автор.)*], которым при покойной государыне Елизавете Петровне было строжайше запрещено показываться в Россию. Михайлову очень нравились их пение и они сами, бездомные, как он, необыкновенные, ни на кого не похожие люди. Водил с ними знакомство и у молодого лаеша Хапило выучился плясать, адски хлопая себя по сапогу, -- у них и сапоги были необыкновенные: красные, зеленые, желтые. Старался и петь как они: одновременно голосом, улыбкой, выражением лица, плечами, подтапыванием. Впрочем, лаеши хохотали, глядя и слушая, как он пляшет и поет по-ихнему; он сам чувствовал: то да не то.

У подъезда перед кабачком стояли великолепные сани, запряженные цугом четверкой вороных лошадей с красными бантами, с красной сафьянной сбруей, с золоченым набором. Михайлов прошел со двора, через кухню, во вторую комнату. Там закусывали люди, очевидно, из этой кареты: бритый, пудренный, с косою, кучер в бархатном кафтане, гайдук, одетый гусаром, бегун, в бархатной шапочке с кистями и, как лошади, с бантом на голове. Их господам все носили в залу дорогие блюда: похлебку из рябцев, кронштадтских ершей с пуре, сладкое ягнячье мясо, а также бутылки замороженного шипучего французского вина.

Михайлов сквозь приотворенную дверь заглянул сочувственно в господскую комнату. За уставленным бутылками столом ужинали молодые офицеры, все, как на подбор, огромного роста и красавцы. Они были похожи друг на друга, как братья, но и среди них выделялся один: совершенный великан, необыкновенно грозного вида, с лицом настолько страшным, что людям невольно хотелось поскорее отойти от него подальше. Он пил бокал за бокалом, видимо, несколько не пьянея. Против него саженях в трех, у стены, скрестив руки, более темные, чем лицо, неподвижно, как столб, стоял старый большой лаеш в белой рубаше с золотым позументом, в зеленых сапогах, без гитары, ничего не делавший, даже как будто ни на что не смотревший, и все же совершенно необходимый другим; два лаеша